

К 100-летию начала Первой мировой войны

Продолжение.
Начало в № 3

ГЛАВА 6

В плену

В декабре 1914 года в Николаевском уезде появились первые военнопленные. Их прислали более 250, и, как писала газета «Саратовский листок», в основном это были представители «славянских народностей Австро-Венгрии». Первым их пристанищем стал уездный город – Николаевск. Специальные лагеря для них не строились, и они жили либо на квартирах, либо в общественных зданиях. При этом никаких ограничений в передвижении по городу у них не было, и они запросто общались с местным населением.

«Крестьяне и мещане подолгу разговаривают с ними и передают им копеечки, семишники, папиросы, кренделя и др., – отмечал корреспондент «Саратовского листка» и констатировал: – На Новый год пленныеunter-офицеры, явившиеся к местному воинскому начальнику полковнику Быкову, выразили ему от всей партии пленных и просили передать населению города благодарность за гуманное отношение к ним, чего они, как недавние враги русских, не предполагали встретить».

Спустя некоторое время пленные появились и в Балакове. Их так же, как и в Николаевске, встретили благожелательно. Некоторые местные общественные организации и волостное правление даже выделили средства на приобретение для нижних чинов белья. Пленные тоже свободно разгуливали по городу, беседуя с балаковцами. Они настолько крепко обосновались, что стали заказывать в местном книжном магазине учебники по русскому языку, словно и не собирались возвращаться на родину.

Офицеры размещались в каменном двухэтажном доме с электрическим освещением, а нижние чины – в зданиях цирка и вокзала (так назывался концертный зал) в саду «Отрада» (находился за нынешним Центром искусств по

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

Пленные немцы

улице Гагарина) «совсем по-дальному». Русским пленным такое и не снилось. Вот как рассказывал балаковец о своей жизни в немецком плену, где он пробыл 14 месяцев:

«Рассказ возвратившегося из плена.

Отношение к пленным самое беспрецедентное, лечение небрежное, а питание совершенно недостаточное. Меня, тяжело раненного в голову и в ногу, перевязывали не более раза в неделю, а в пищу давали очень невкусный суп из брюквы или каштановой и кукурузной муки, хлеба же отпускалось не более полфунта на человека в день, и это не только в лазаретах, но и в лагере для военнопленных, где я очутился на выходе из лазарета. Для нас только праздник был тогда, когда приезжали наши сестры милосердия да кто-то из «шведского правительства» (вероятно, речь шла о какой-то благотворительной организации, чья штаб-квартира находилась в Швеции. – Ю.К.) посмотреть на жизнь военнопленных. В это время всего отпускалось вволю. Но, как только гости уезжали, снова всё велось по старому.

Режим для всех военно-

пленных крайне суровый: весь лагерь окружён проволочными заграждениями и без конвоя никуда не пускают, даже в церковь. Что касается работ, то на них отправляют принудительно, и они до того тяжёлы, что многие совершенно обессиливают, но когда по болезни отказываются от дальнейшей работы, то их сильно наказывают. Среди наших пленных очень много больных, и многие уже умерли от разных тяжёлых болезней.

В одном лагере, например, мы жили в бараке, углублённом на полтора аршина в землю, и по вечерам приходилось зажигать лучину для света, а от неё так много было копоти, что после требовалось отворять дверь и впускать в холод воздух и в холод спать на полу, потому что коек не полагалось. Потчевали, между прочим, и бани, но в ней некоторые только простужались, потому что после мытья нас держали в холодном помещении голыми, пока бельё и одежда дезинфицировались, а на это требовалось 5–6 часов.

Вообще жизнь была несладкая. А для немецких пленных не жизнь, а масленица.

Так, как они здесь живут, там и не пленные живут. Да если бы нам там хоть сотую долю видеть того избытка и свободы, которыми пользуются здесь пленные, то мы бы Господа Бога благодарили».

Такое различие в отношении к пленным вызывало возмущение у русских патриотов. В апреле 1915-го начальник Самарского удельного округа Малахов жаловался губернатору Протасьеву:

«На днях в пятом часудня я проезжал по Казанской улице (в Самаре. – Ю.К.) и издали увидел на балконе и на крыльце 6-го земского лазарета многих служащих в том лазарете женщин в форменных белых передниках и косынках, устраивающих овацию: они махали платками и руками посыпали приветствия по направлению к бирже.

Когда я подъехал ближе, то увидел уходящих от лазарета военнопленных воюющих с Россией держав.

Подобное отношение к военнопленным держав, которые пытают наших солдат, взятых в плен, и устройство оваций на улице возмутительно и оскорбительно для русских, жертвующих свои средства и труд на борьбу с варварами.

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство обратить на моё заявление должное внимание».

И внимание обратили. В отношении «провинившегося» лазарета было проведено служебное расследование, и в действиях его руководства и персонала ни состава преступления, ни проявления антипатриотических чувств усмотрено не было. Просто «между облегчающими физические страдания лицами и теми, кому облегчают эти страдания, естественно устанавливаются взаимные приветливые отношения, основанные на общечеловеческих чувствах».

Тем не менее губернатор запретил медицинским работникам «всякое публичное демонстративное выражение приветствий выходящим из лазаретов австро-венгерским и германским подданным».

Юрий КАРГИН
Продолжение следует